

Дмитрий Тарасов.

КРАСИВО СТАРЕТЬ

Рассказ

Куст сирени со светло-фиолетовыми бутонами, с махровыми цветками, которые как будто написаны акварелью. Ах, какой запах!.. Но разве долго он продержится? Будет ли эта сирень вспоминаться потом? Или речка, скорее, ручеёк с перекинутым через него бревном. Будет ли?.. А вот человек перебегает по бревну, словно номер в цирке исполняет, и, уже с другого берега, оглядывается назад и внимательно смотрит. Неужели и ему хочется запомнить? Но дано ли нам знать наперёд что и кого будем вспоминать, а с чём расстанемся безвозвратно...

Я ездила на работу из пригорода, сначала трясясь в электричке, а после пересаживаясь в подземку и затем на автобус. Иногда садилась в маршрутку, кольцо которой было у той же станции метро. Было тяжело мотаться туда и обратно и тратить на дорогу по четыре-пять часов в день. Однажды знакомая подсказала, что можно по мобильному телефону вызывать такси и что в итоге получается едва ли не дешевле, чем с пересадками. А главное, гораздо быстрее. И я нашла номер в нашей местной газете, позвонила, но, к моему удивлению, ответа не было. Только вечером мне перезвонили, и, как показалось, печальный голос извинился и подробно рассказал, какие услуги и по какой цене предлагает фирма «Кондратьев и сын».

С тех пор я каждое утро поджидаю такси недалеко от своего дома. Старенький серебристого цвета «Ниссан» показывается из-за куста сирени, где просёлочная дорога как раз делает поворот, и, не доезжая до ведущей к ручью тропинки, останавливается. За рулём мужчина примерно моих лет, его зовут Николай, а вот его сына, о котором сообщает реклама их извозчицкой фирмы, я никогда не видела. Он приезжает всегда вовремя, но такова уж моя привычка, что везде и всюду

я появляюсь раньше срока. Стою у обочины дороги, и лезут в голову разные мысли...

Я всегда была белой вороной, что в школе, что в студенческие годы, что теперь на работе. Сверстники со мной почему-то не заводили дружбу, да и я их сторонилась. Вероятно, моё поведение было связано с воспитанием в семье, поскольку родители были не разговорчивы, и, бывало, хоть и все дома, а каждый занят своим: мама делает что-то по хозяйству, отец, вечно с паяльником, настраивает радиоаппаратуру, а я с книгой у окна; и мы молчим, лишь изредка обмениваясь малозначительными словами. Общалась я в основном с собакой, пересказывая ей содержание книг, которые читала в великом множестве. Пожалуй, лучшего слушателя во всей моей жизни не было.

Родители ушли рано, друг за другом, так что обе смерти слились для меня в одну... Вот, на том берегу ручья, сразу за деревьями, небольшое кладбище. Там они и похоронены. Я часто хожу на их могилы, но, странное дело, нет у меня скорбного чувства, а есть другое: не так уж долго нам ждать встречи, скоро вслед за вами, сюда... Здесь же лежит и собака, которую сама закапывала в землю возле кладбищенской ограды. Знаю, что так делать не положено, что с меня, наверное, взыщут на небесах... Всё знаю, однако, когда ковыряла лопатой мёрзлый грунт, на душе было тепло, и думала я только о том, что новую собаку заводить не буду.

Не скажу, чтобы одиночество было мне неприятно, разве что поначалу, а после привыкла, смирилась, к тому же вся моя предыдущая жизнь была своего рода подготовкой к теперешнему положению. Оговорюсь, за исключением двух лет, когда я вышла замуж. Как вижу теперь, это была попытка узнать, сможет ли кто-нибудь быть вместе со мною. Попытка неудачная, ибо ни я не любила Юрия, ни он меня. Его измена, настолько неприкрытая, что, скорее, походила на дурной анекдот, стала на самом деле спасением, иначе сама бы я на развод не решилась.

После Юрия я подобных попыток больше не делала. Мне было хорошо в нашем деревянном доме с его поскрипыванием лестниц, гудением печки, летящим за окнами снегом. Ау, где вы, болтуны, спорщики, скандалисты? Может, сидите на веранде, вышли на балкон, спустились в подвал? Ау? Тут нет, здесь тоже, и здесь...

Дом строил ещё дед. Помню его детскими отрывочными воспоминаниями, и все они связаны с домом: то помогаю ему поднимать колодезное ведро, изо всех сил вертя металлическую ручку; то вместе с ним поливаю помидоры и огурцы в парнике; то смотрю, как он колет дрова, и поленья разлетаются в стороны с сухим задиристым треском. Эй, не зашибёт ли тебя, стрекоза? Лес рубят, щепки летят! Ну-ка, брысь в дом!

Он, вообще, был очень веселый и, в отличие от родителей, любил пошутить, поболтать о пустяках. Но дом и хозяйство держал крепко, так что частенько заглядывали к нам соседи, чтобы поговорить с дедом о малопонятных мне тонкостях крестьянского труда.

Теперь дом ветшает. Но, честно говоря, я почти не замечаю этого, просто потому, что вместе с домом старею сама. Его трещины это мои морщины, стоны его половиц – мои боли, его грустный внешний вид – теперешнее выражение моего лица. Есть такая фраза «красиво стареть», и, по-моему, ничего более естественного человеку и природе не дано. Наверное, поэтому я люблю ходить в лес, чаще всего осенью, когда то плачет у реки жёлтыми слезами ива, то берёзы золотятся вдоль тропинки, а то вдруг вспыхнет ярко-красным на опушке клён. Порой мне кажется, будто у деревьев есть голоса... Посмотри, как мы увядаем. Разве тебе не нравится, разве ты не хочешь также?.. Всему своё время: набухают почки, зеленеет листва, меняет свой цвет, облетает... Так заведено. Зачем же бороться с тем, чего не изменишь?..

– Доброе утро, – говорит Николай, высовывая голову из окошка машины. По обыкновению, я не заметила, как он появился, потому что всегда смотрю в другую сторону. Но, как бы тихо он ни ехал, за ним обязательно поднимается пыльное облачко от разомлевшей на жаре дороги. Чтобы не кашлять, прикрываю рот рукой, пока Николай что-то переключает в машине.

– Долго ждали? – задаёт он свой обычный вопрос, когда я захопываю дверцу.

– Вы, как всегда, минута в минуту. Просто я прихожу заранее.

И дальше, я уже знаю, между нами не будет произнесено ни слова. Только в самом конце, перед тем как выйти, я рассчитаюсь с ним, а он пожелает мне удачи. Впрочем, изредка он что-то бормочет себе под нос, похоже, ругает пешеходов

или водителей. Но не стану же я вмешиваться в его ворчание только ради того, чтобы поддержать разговор.

Сначала, по своей привычке к уединению, я садилась на заднее сиденье, глазела в окна, пока однажды Николай не сказал: «Садитесь вперёд, а то как-то...» Он не закончил, но я и сама догадалась, что получается неловко, словно знать друг друга не знаем.

С тех пор езжу с ним рядом, вижу вместо затылка его профиль и временами, отрываясь от проносящихся мимо домов и площадей, исподволь за ним наблюдаю... Виски поседели, но это мне нравится, будто серебро блестит благородным цветом; нравится и спокойное выражение глаз, и круто очерченный подбородок; а вот нос – не очень, чересчур крупноват, широк...

Я всякий раз останавливаюсь и начинаю себя ругать. Кто дал мне право следить за посторонним человеком, давать оценки, что хорошо, что плохо, а что нужно исправить? Если быть честной, я рассуждаю так, будто к нему равнодушна, будто планы имею какие-то. Но откуда у меня планы? Жизнь устоялась, катится себе знакомой дорогой, как сейчас машина – от дома на работу, с работы домой. И я рада этому, видит Бог, рада. Всё уже было, всё прошло, и теперь лишь зелёный сигнал светофора, точно по инерции, приводит в движение мою засыпающую на перекрестке жизнь.

Колёса машины катят по песку не в силах отвлечь меня от наплывающих мыслей. Я здороваюсь с Николаем и снова незаметно прикрываю рот рукой, и снова сажусь справа от него. Всё, как обычно. Мы ездим почти два месяца, и у меня сложилось впечатление, что мы дали друг другу слово не менять сложившуюся очерёдность фраз и действий. Такая, что ли, ребячья забава, кто первым не выдержит и нарушит правила.

Сейчас он задаст вопрос, долго ли ждали, и он задаёт, на что я заученно отвечаю, после чего должна установиться такая знакомая и приятная мне тишина. Однако он переспрашивает:

– Извините, а почему вы всегда приходите раньше?

От неожиданности, от того, что это против правил, я молчу, хоть и понимаю, что веду себя глупо. Лишь выплывает откуда-то детское, беспомощное: так не играют, ты нарушил, нарушил!.. Попытаться объяснить ему, почему я привыкла быть

наедине с собой? Чтобы рассказать жизнь, нужна ещё одна жизнь. Да и с какой стати я буду открываться перед едва знакомым человеком? Он везёт, я еду. Мне и так хорошо, мне очень хорошо без навязчивых вопросов, без людей...

Чувствую, как на глаза наворачиваются слёзы, и он, похоже, заметил, потому что сразу меняет тему разговора:

– Какое жаркое лето. Целый месяц ни одного дождя.

Он прав, такого лета не припомню. Хотя много лет назад, ещё при бабушке, было очень жарко. Мы всё время носили ведра поливать огород, пока он не купил насос, и вода сама начала подниматься из колодца. С длинным чёрным шлангом я бегала между грядок, и так было здорово делать лужицы под яблонями, картошкой, луком и после смотреть, как сухая земля темнеет, впитывает воду, словно бы глотая. Особенно мне нравилось закрывать пальцем отверстие шланга и брызгать то на дом, то на кусты смородины, то на бабушку, который с преувеличенным страхом убежал в сторону.

От воспоминаний слёзы мои высыхают, и словно бы открывается мир за окнами, куда интересно глядеть и видеть женщину с коляской, и стайку школьниц, и огромного бородача с палочкой, и продавщицу мороженого, и похожего на памятник полицейского посреди улицы...

Сначала показалось, что Николай, по привычке, ворчит на прохожих, однако, нет, он напевает тихим голосом:

*Лето – это маленькая жизнь порознь,
Тихо подрастает на щеках поросль,
Дом плывет по лету,
А меня нету,
Лето – это маленькая жизнь.*

Я помню эту песню. Одно время её крутили повсюду. Но я-то больше люблю осень и собираюсь сказать об этом, однако, пока он поет, мне приходит в голову другое:

– Вы мне проиграли.

– Это в чём же?

– А у нас с вами как будто игра: «Здрасьте... До свидания...»

– И что?

– Вы нарушили правила.

– Каким образом?

– Ваша песня и есть нарушение.

Он смеется, а я заканчиваю свою мысль:

– Мы оба проявили себя стойкими бойцами и уступить не хотели.

В наших поездках ничего не изменилось – те же улицы, дома, перекрестки, – и в то же время изменилось всё. Я рассказала свою жизнь, и для этого вовсе не понадобилась ещё одна, а всего лишь терпение и сочувствие. Он слушал молча, глядя на дорогу, но я видела, что ни одно слово не проходит мимо, и мне было так спокойно, так легко на душе. А после начал рассказывать Николай, вернее, я сама его попросила...

Его жена умерла лет десять назад, и он остался один с сыном Артёмом. Тот, как вернулся из армии, решил, как он выразился, отдохнуть – пил, гулял, ходил по ночным клубам. Отец, хоть и старался быть с ним строгим, многое прощал ему, по существу, выросшему без матери. Артём был хорошим водителем, и, когда Николай открыл собственное дело, сына не пришлось долго упрашивать стать его компаньоном. Правда, и теперь он не особо усердствовал, так что большинство заказов отец был вынужден брать на себя. А фирму он создал после того, как развалился судостроительный завод, где он двадцать лет был инженером. Его тянуло назад, в гулкие эллинги, но они, что было видно даже с прибрежного шоссе, стояли ржавыми, заброшенными, – вот и приходилось крутить баранку да подсчитывать скудные доходы.

– А другого выхода нет? – спросила я как-то.

Он кивнул в сторону будки, мимо которой мы проезжали:

– Здесь работает охранником один мой знакомый. Тоже инженер. Вот тебе и выход... Хочешь минералки?

Последнее «вы» исчезло из нашего общения с той незаметностью, с какой сами беседы наполнились смыслом. И так же естественно я согласилась на его предложение подвозить меня прямо до дома.

– Спасибо, – благодарит он, допив чай, и продолжает свой рассказ о работе инженером. Из всего сказанного я только и понимаю, что он проектировал катера и рыболовецкие шхуны, однако слушаю с вниманием студентки, у которой на носу экзамен по судостроению. Особенно забавно, когда, переходя к чему-нибудь самому сложному, он морщит лоб и начинает беззвучно шевелить губами. «Пятерка» мне, конечно, не светит, тем не менее стараюсь усвоить хоть самую малость, чтобы задать толковый вопрос. Авось, вспомнит на экзамене,

мол, проявляла интерес, пыталась, так сказать, познать глубину предмета.

– А какую скорость могут развивать катера?.. Ну, максимальную?

И хотя по едва заметной усмешке видно, что вопрос дилетантский, отвечает он обстоятельно, приводя в подтверждение слов цифры и факты, и даже рисует на салфетке какой-то график.

Затем я показываю ему дом, и он медленно ходит за мной, время от времени отпуская веские замечания, что, судя по всему, должно обнаружить в нем рачительного хозяина. То же самое в саду, где у каждой яблони или сливы он останавливается, изучает ствол, ветки, нагибаясь, берет щепотку земли и перетирает её в руке. Наверное, думаю я, так и должен вести себя настоящий мужчина, просто одиночество превратило меня в дикарку, которая и разговаривать-то умеет лишь с деревьями.

Мы прощаемся за калиткой, на просёлочной дороге, куда я вызвалась его проводить.

– Что же я сам дорогу не найду? – усмехается он. – Мы переехали сюда с родителями, когда мне было десять лет.

– Ну, лучше все-таки... ты мой гость... так принято... – произношу я нелепость за нелепостью, скрывая желание дольше побыть вместе.

Николай продолжает что-то говорить и между прочим сообщает, что намерен на какое-то время уехать, что у него есть дела, так что мне придётся снова пересаживаться на электричку.

– Или найдешь другого таксиста, – заканчивает он с улыбкой.

Вероятно, на моём лице грустное выражение, потому что он спешит успокоить:

– Это не надолго. Скорее всего, неделя, от силы две.

Неожиданно он берёт меня за плечи и, глядя прямо в глаза, спрашивает:

– Будешь ждать?

– Буду, – я опускаю взгляд вниз, потому что, действительно, буду, и ещё потому, что, когда он был в доме, тот его принял с радостью, поскрипывал так, словно бы ко мне обращался – не отпускай... Но как же не отпустишь, когда он у меня впервые, когда вот уезжать собрался...

По правде говоря, я рада, что он не спешит. Не каждый способен понять, как тяжело расставаться с привычкой к уединению, каким постепенным должен быть этот путь. И Николай понимает и, похоже, нарочно придумал эти две недели, чтобы мысли во мне улеглись, всё равно как листва на деревьях после отшумевшего ливня.

Раз так, то я и спрашивать не стала, какие у него «дела», и старалась не думать об этом, пока его не было. Зачем гадать на кофейной гуще, когда и без того все ясно? Только иногда представлялось: я снова поджидаю его возле дома, снова наши поездки, разговоры, – а дальше не заглядывала, потому что дальше всё само собой сложится...

Как и от чего Николай умер, я до сих пор толком не знаю. Можно сказать, меня к нему не допустили, а можно, я сама отошла в сторону.

Едва миновал срок, я выждала день-другой и набрала его номер. Никто не отвечал, и лишь на следующее утро к телефону подошёл его сын. Он так и сказал:

– Это Артём, сын Николая Михайловича. Слушаю.

Голос был молодой, но то ли от простуды, то ли из-за недосыпа с хрипотцой, какой-то нервный.

– Позовите, пожалуйста, Николая, – вымолвила я в трубку и зачем-то добавила с поспешностью: – Вашего папу.

– Он умер.

Когда слышишь о смерти человека, который ещё на днях был жив и здоров, то это просто не уместается в тебе и, не уместившись, переворачивает всё подряд: мысли, чувства, слова и ещё что-то, похожее на «так-не-бывает». И ведь знаешь, что именно так и бывает, а всё равно пульсирует в голове одно и то же, как заведённый маятник.

Артём, вероятно, уже хотел выключить телефон, поскольку никто не отзывается, однако я успела спросить:

– Как же это?

– Во время операции. Остановилось сердце.

– Его похоронили?

– Да.

– А где? Я хочу придти.

– Да вам-то какое дело! – вдруг резко крикнул он. – Вы кто, вообще?

И тут я впервые задумалась, кем могу себя назвать по отношению к Николаю. Людям-то нужно всего одно слово, не два

или три, и предельно точное, а лучше заверенное подписью и печатью. Пока я искала единственно верное, Артём прервал разговор. После я много раз ему звонила, да все без толку, потому что всегда было «вне зоны». Господи, думала, будто с тем светом пытаюсь связаться, и попытки свои оставила.

Я редко выхожу из дому. Если выбираюсь, то преимущественно в лес. Правда, от былых ощущений мало что осталось, да и осень, после жаркого лета, пришла ранняя и холодная. Под ногами сырая трава, вдоль тропинок грязь вперемежку с палой листвою, шумит в ветвях ветер и на открытом месте бросается прямо в лицо. А потом из низкого неба начинает лить бесконечно и мелко, и платье прилипает к ногам, и волосы падают на лицо мокрой челкой...

Мне бы идти домой, однако иду в противоположную сторону. Туда, где стоит голый куст сирени, где вместо чистого ручейка мутный от дождей поток, и, странное дело, снова перебегает его по бревну какой-то смельчак и, не оглядываясь, торопится дальше. Да, все это я видела и прежде, много раз видела, но помнится-то мне совершенно другое... Шелестят по песку шины, появляется серебристый «Ниссан», тихо открывается окошко: «Доброе утро...», – и отразившееся от стекла солнце на секунду прикрывает мои глаза.

Теперь я знаю, что это воспоминание будет со мною до конца дней. Иного уже не дано, да и не нужно. Пусть всё остаётся так. И когда придёт час умирать, как умирают деревья в лесу или мой старый дом, самым счастливым, что увижу, перед тем как глаза сомкнутся окончательно, будут те жаркие летние дни, когда мне так не хотелось «красиво стареть».

г. Санкт-Петербург